

Завтрак за столом в особняке семьи Шэнь был безмолвным ритуалом.

Под хрустальной люстрой едва слышно позвякивала костяная посуда. Шэнь Хунъюань, глава семьи Шэнь, отложил финансовую газету и, не сводя пронзительного взгляда, посмотрел на старшего сына Шэнь Цинцы.

— Ты полностью отвечаешь за проект сотрудничества с группой компаний «Жуйкэ». Это твой первый десятизначный проект, который ты возглавляешь самостоятельно, не подведи меня, — голос Шэнь Хунъюаня был негромким, но звучал безапелляционно. Каждое слово, словно печать, ложилось на путь Шэнь Цинцы как наследника.

— Слушаюсь, отец. Я во всем разберусь, — Шэнь Цинцы отложил серебряную ложку и осторожно протер уголки рта салфеткой. Его движения были плавными и изящными — воспитание, впитанное с годами. Он ответил без малейшего колебания, и на его красивом лице отразились подходящие спокойствие и уверенность, полностью соответствующие ожиданиям семьи от наследника.

Мать, Чжоу Ваньцин, с нежностью смотрела на сына и сама добавила ему ложечку теплого молока:

— Цинцин, не утомляйся слишком сильно. Твой отец верит в тебя, и мы все верим в тебя. В ее глазах читались нескрываемая гордость и жалость к этому «идеальному произведению» наследника.

Шэнь Цинцы слегка кивнул, и на его губах появилась успокаивающая улыбка:

— Спасибо, мама, я знаю меру.

Огромное внимание, тщательное воспитание, безграничное доверие — все это, словно идеально сшитый костюм на его плечах, было одновременно и честью, и оковами, намертво закреплявшими его в образе безупречного Шэнь Цинцы.

Утром в офисе на верхнем этаже штаб-квартиры семьи Шэнь он эффективно провел совещание по запуску проекта. Холодная логика, решительность и внутренняя сила заставили опытных руководителей полностью покориться ему. Днем он представлял семью на благотворительном аукционе, где держался достойно и вел светские беседы, будучи самой яркой фигурой вечера.

Все видели лишь безупречного наследника семьи Шэнь.

Но никто не знал, что вечером, уезжая с работы на машине, Шэнь Цинцы не возвращался в особняк семьи Шэнь, символ статуса и обязанностей, а сворачивал в подземный паркинг элитного жилого комплекса на другом конце города.

Эта квартира, расположенная на последнем этаже, была тайно куплена им на прибыль от его первой успешной инвестиции. Это место было его «запретной зоной» и его «глотком воздуха».

Тихо звякнул биометрический замок, дверь открылась. В отличие от классической роскоши особняка семьи Шэнь или холодного современного стиля его офиса, в этом пространстве царил интимная, мягкая атмосфера. В цветовой гамме преобладали теплые кремовый и светло-серый тона, за огромными окнами во всю стену открывалась панорама ночного города, но внутри горело лишь несколько ламп, создающих приглушенное и теплое освещение.

В воздухе витал тонкий, сладко-терпкий аромат туберозы.

Не включая общий свет, он прошел прямо в самую дальнюю комнату. Она была еще более скрытой от посторонних глаз, чем главная спальня. Когда он отворил тяжелую дверь из цельного дерева, казалось, он шагнул в иное измерение.

Здесь было пространство, всецело принадлежащее «ей».

Стена, сплошь закрытая зеркалом с подсветкой, напоминала профессиональную гримерку. Перед зеркалом в идеальном порядке стояла элитная косметика, кисти были разложены безукоризненно, а палетки теней пестрели красками, как палитра художника. На вешалке сбоку висели не деловые костюмы, а несколько изысканных женских вещей: черное платье на тонких бретелях с минималистичным кроем, шелковая блузка цвета сакуры, облегающая вязаная юбка. В прозрачном шкафу рядом аккуратно красовались элегантные туфли на каблуках и несколько лимитированных сумочек.

Шэнь Цинцы встал перед зеркалом, глядя на молодого мужчину в дорогом костюме с холодным взглядом. Он глубоко вздохнул, словно сбрасывая тяжелый груз. Затем поднял руку и начал медленно, пуговицу за пуговицей, расстегивать пиджак, а следом и рубашку.

Сняв с себя всю одежду, олицетворявшую Шэнь Цинцы, он прошел в ванную. Горячая вода омывала тело, словно смывая оболочку, навязанную извне. Выйдя из душа в халате, он снова встал перед зеркалом.

Поверхность стекла еще была подернута дымкой пара. Он взял специальное средство для снятия макияжа и тщательно стер тонкий слой мужской тональной основы, который придавал его лицу более резкие черты. Настоящая кожа □□□□-□□□□ проступила наружу — холодная белизна, настолько тонкая, что поры были почти не видны. Без намеренного подчеркивания его черты лица раскрылись полностью: четкие надбровные дуги, высокий прямой нос, но при этом неожиданно мягкие линии. Особенно глаза — после того, как исчезла резкость от суровых деловых будней, они казались длинными, с чуть опущенными внешними уголками, что само по себе придавало лицу невинность и хрупкость.

Он сел и начал свой долгий и трепетный «ритуал».

Уход за кожей, каждый этап — предельно бережно. Затем основа. Влажным спонжем он вбивал легкий флюид, создавая эффект безупречной фарфоровой кожи. Консилер, фиксирующая пудра... каждое движение было отточено, словно профессионалом.

Далее следовали самые тонкие шаги. Он слегка подправил форму бровей, сделав их мягче и изящнее. Для теней выбрал палитру в пыльно-розовых тонах, большой кистью растушевав их по векам, что добавило взгляду глубины и нежного оттенка. Тончайшая подводка аккуратно прочертила линию у самых ресниц, чуть приподняв уголки глаз, моментально увеличивая их и придавая взгляду неописуемый шарм. После пары слоев туши его глаза обрели собственный голос.

В завершение — помада. Он выбрал матовый тинт цвета пыльной розы и кистью тщательно прорисовал полные губы.

Макияж закончен: из зеркала на него смотрело удивительно красивое «женское» лицо. Оно было изысканным, без вульгарности, подчеркивая мягкость и нейтрализуя излишнюю жесткость его мужественных черт.

Он встал, подошел к вешалке, кончики пальцев скользили по тканям, пока он не выбрал то самое черное платье. Холодное прикосновение шелка ощущалось как вторая кожа. Он осторожно надел его, застегнув невидимую молнию. Платье село идеально, подчеркивая его стройную, но не лишенную естественных линий фигуру, а глубокий вырез на спине обнажал полоску белой кожи, создавая ощущение сдержанной сексуальности.

Затем он открыл специальный шкаф, где хранились заказные парики из натуральных волос. Выбрав длинные, слегка вьющиеся темно-коричневые волосы, он тщательно надел их, поправил пробор и челку, чтобы пряди естественно падали на лицо.

Напоследок он надел туфли на тонком каблуке. Рост мгновенно увеличился, пришлось слегка изменить центр тяжести, чтобы устоять. Он подошел к огромному зеркалу в полный рост.

В отражении больше не было наследника семьи Шэнь, Шэнь Цинцы.

Там стояла невероятно красивая «женщина». Слегка вьющиеся длинные волосы, кожа блее снега, черное платье подчеркивало холодную и притягательную ауру. Мужественность, читавшаяся в чертах, под слоями нежной косметики превратилась в загадочность и благородство. Фигура, облаченная в шелк и высокие каблуки, приобрела утонченную элегантность, стиравшую все границы пола.

«Она» молча смотрела на свое отражение, в ее глазах читались чувства, которые Шэнь Цинцы никогда бы не позволил себе показать — полное восхищение, самолюбование и нотка хрупкости, словно при ходьбе по тонкому льду. Он немного повернулся, любуясь, как свет играет на шелке, глядя на то чужое, но до боли знакомое отражение.

Он поднял руку, кончиками пальцев коснулся прядей волос, прикоснулся к мочкам ушей, где не было сережек, а затем медленно провел по щекам, ощущая нежность пудры и тепло кожи.

Эта красота была безмолвной, украденной, секретом, который мог существовать только в этих стенах и никогда не должен был стать известен миру. Каждый сеанс преображения — это приключение и в то же время исцеление. Здесь он не был чьим-то наследником, здесь он не был Шэнь Цинцы, который нес на плечах будущее всей семьи. Он был просто «Цинцин», одинокая душа, которая могла временно сбросить тяжкое бремя и просто наслаждаться этой ошеломляющей красотой.

Неоновые огни города пробивались сквозь панорамные окна, отбрасывая причудливые блики на его фигуру. «Она» в зеркале казалась слишком красивой для реального мира, точно искусно выточенная стеклянная фигурка — ослепительная, но такая хрупкая. Эта красота хранила его глубочайшие мечты, но могла стать и его ахиллесовой пятой.

Внимание семьи было подобно солнечному свету — оно позволяло ему расти, но оно же заставляло его прятать эту истинную часть себя в самой глубокой и темной тени.

Глядя в зеркало, он едва слышно, почти беззвучно вздохнул. Дыхание превратилось в туман на зеркальной поверхности, на мгновение размыв прекрасное лицо.

В этот самый момент телефон, оставленный на диване в беззвучном режиме, внезапно загорелся огнем экрана, показывая вызов от «отца». Звук вибрации в тишине комнаты показался пронзительным.

«Женщина» в зеркале вздрогнула, очарование и печаль в ее глазах мгновенно разбились. На их месте промелькнул испуг, а сразу за ним — холод и настороженность, присущие наследнику семьи Шэнь.

<http://bllate.org/book/20970/2128500>